

СЛОВО «КОМЕДИЯ» не такой уж редкий гость в планах различных киностудий, правда, чаще всего в сочетании с пояснением: музыкальная, лирическая, молодежная, фантастическая и т. п. Подобное разнобразие комедийных жанров можно было бы только приветствовать, если бы... если бы создатели этих кинопроизведений не забывали подчас, что первым и самым необходимым качеством комедии остается смех, определение — смешная. И если вспомнить фильмы хотя бы прошедшего года, то придется признать, как мало было среди них веселых, остроумных, смешных комедий. Недавно на одном из студенческих вечеров я спросила со сцены, какая из последних комедий представляется присутствующим наиболее удачной. «Операция «Ы» — сразу же раздались несколько голосов. Этот вечер определил выбор собеседника — кинорежиссера Леонида Гайдая.

ЧАЩЕ ВСЕГО журналисты задают ему вопрос: почему вы снимаете комедии? Почему? Отвечая на этот вопрос, можно долго говорить об успехе комедии у зрителей, о богатейших возможностях этого жанра, о... И это будет верно. А можно ответить и одним словом: интересно. Как-то он даже сказал: это моя черта характера. — Действительно, — говорит Леонид Гайдай, — стали бы вы спрашивать у человека, почему он любит смеяться и рассказывать анекдоты, а его сосед по квартире всегда молчит и хмурится? Такой, говорят, у него характер — любит шутку. Вот и я — люблю комедию. Это у меня в характере.

— Но если речь идет о творчестве, то можно привести массу примеров, когда характер человека и то, что он делает в искусстве, не только не совпадают, но и диаметрально противоположны. Вот, например, по Михаилу Зощенко рассказывают, что в жизни он был довольно мрачным человеком, рассказы же его полны улыбки веселья.

— Да, конечно. Призвание и характер — вещи безусловно разные. Но и то, и другое рождается вместе с нами. И, право же, не поддается объяснению. Приблизительно об этом говорили еще Ильф и Петров, отвечая на вопрос: почему вы пишете смешно? Так и моя склонность к кинокомедии. Уже не раз думал: хватит. Надо поломать себя — снять что-нибудь в другом жанре. Я отнюдь не сторонник того, чтобы режиссер работал над одной только темой или же ставил кинопроизведения в одном жанре. А потом, как представляю, что снимаю, например, психологическую драму, и становится мне... скучно. Нет, нет, не подумайте, что я против драм или трагедий. Как зритель я с интересом смотрю эти фильмы. Конечно, если они хороши.

ЛЕОНИД ИОВИЧ вытаскивает из ящика письменного стола томик Горького, открывает страницу с закладкой.

— Послушайте, что писал Алексей Максимович: «Серьезно» говорить о пороках значит «фиксировать» — закреплять внимание на пороках... Социальные пороки должны быть показаны в легкой сатирической форме как отвратительные и смешные уродства».

Может быть, это и субъективная точка зрения. И, конечно же, я не собираюсь отрицать ценность и значимость других киножанров. Но мне лично сатирическая кинокомедия представляется самым действенным, самым эффективным средством кинематографа в борьбе с недостатками, пороками, бытующими в нашем обществе. Я уж

не говорю о том, что веселые комические фильмы очень любят зрители. Смех — это могучее и грозное оружие. Показать зрителям подлинное лицо бюрократа, взяточника, хулигана, вору, сорвать маски, нацепленные ими, и перед вами предстанет такая мелкая, трусливая, заячья душонка, которая может вызвать только смех и чувство гадливости. А смешной человек уже не страшен.

Но как сделать его смешным, какими художественными средствами? Толстый живот — это еще не признак бюрократа, а длинная шея, например, не самая характер-

Наш корреспондент в гостях у Леонида ГАЙДАЯ

ПОЧЕМУ КОМЕДИЯ? ПОЧЕМУ СМЕШНАЯ?

ная черта подхалима. Бывает и совсем наоборот. Поэтому внешность, комедийная внешность, — это лишь одно, и не самое важное, условие комедии.

Конечно, существует ряд так называемых «рецептов» смешного. К примеру, несоответствие — очень толстый человек, говорящий писклявым голосом, или же неожиданность — громкий стук в дверь, и входит ребенок. Но это, так сказать, азбука комического, на деле же все бывает значительно сложнее. В кропотливом, долгом труде по крохам мы собираем смешное — жест, движение, слово. Приступая к новой работе, я всегда начинаю сам проигрывать отдельные эпизоды, весь сценарий...

— Проигрывать?

ОДНАКО прежде чем обратиться к этой теме, надо отойти на несколько лет назад, когда Леонид Гайдай и не помышлял о карьере кинорежиссера, а окончив театральную студию в Иркутске, играл на сцене пять лет. Потом приехал в Москву поступать во ВГИК. Был принят в творческую мастерскую одного из лучших наших комедиографов — Г. Александрова. Окончил ее, получил диплом режиссера и... снялся как актер в одном из фильмов.

Нелегким и не всегда удачным был началом путь Гайдая в кино. Долго пришлось ждать первой постановки, а до того работал ассистентом, вторым режиссером. Немного снимался.

— Приступая к новой работе, я всегда начинаю проигрывать отдельные эпизоды, весь сценарий, — продолжает рассказ Гайдая, — представляю себя в различных ролях, в разных ситуациях, на месте героев будущего фильма. Веду сам с собой оживленные разговоры — так рождаются в сценарии диалоги. Исполняя какие-то трюки, определяю экранное время. Словом, играю вовсю.

— Но когда начинаются съемки и есть уже конкретные исполнители, ведь они, наверное, решают те же эпизоды как-то по-другому?

— Конечно. Но и здесь я остаюсь верен своей методе. Каждый кадр я проигрываю и перед камерой. Потом тот же эпизод играет актер. Если он нашел что-то интересное, свое, я не мешиваюсь. Если же вижу, что ему трудно, то показываю, как и что надо делать. Конечно, не всегда подобный способ работы с актером можно назвать творческим, но иногда приходится к нему прибегать.

ЛЕОНИД ИОВИЧ, вы часто работаете с одними и теми же актерами. Ваша тройка: Трус, Балбес, Бывалый — чуть ли не стала именем нарицательным. В нескольких картинах у вас снялся А. Смирнов, А. Демьяненко — исполнитель роли Шурика...

— Мне очень не нравится слово «исполнитель». В актерам я ишу в первую очередь не исполнителей, а соавторов. Прежде всего соавторов. Когда актер не ждет от тебя, что и как надо сделать, и потом пусть и добросовестно это выполняет, а несет тебе сам новое, интересное, неожиданное. Только с таким актером по-настоящему здорово работать. Вот Юрий Никулин, он приходит на съемку с массой идей, предложений. И причем думает не только о своей роли, но и о всей сцене целиком. В нашем новом фильме «Кавказская пленница» есть целый ряд находок, трюков, придуманных не сценаристами, не режиссером, а Никулиным — актером. Вот поэтому в некоторых случаях я категорически против слова «исполнитель». Я ишу соавторов, и, если нахожу их, наша творческая дружба продолжается. А вообще, — задумывается Гайдай, — мне везет с актерами. Никулин, Плятт, Вицин — работа с ними всегда радостна и интересна.

ВСЕ НАЧАЛОСЬ с «Пса Барбоса». Правда, до него уже были поставлены «Жених с того света», «Трижды воскресший». Но лишь короткая картина с длинным названием «Пес Барбос и необычный кросс», имевшая огромный успех у зрителей, прочно поставила имя Гайдая в первый ряд режиссеров-комедиографов. Случай действительно необычайный, потому что в нашем кино до сих пор бытует совершенно неоправданное, этакое снисходительное отношение к короткометражному

фильму. И даже успех «Пса Барбоса» и «Самогонщикова» хотя и поколебал, но не изменил его. Позднее были поставлены полнометражные комедии «Деловые люди», «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», «Кавказская пленница».

Герои Гайдая, взятые из жизни, становятся как бы собирательными, обобщенными образами. В самом деле, разве нет у каждого из нас знакомого Шурика, разве не встречали вы типов, как Бывалый, Трус, Балбес? В выборе темы своих произведений Гайдай идет от пристального, глубокого изучения жизни.

Не исключительное в обыденном ищет он, а скорее наоборот — общее, повседневное через показ необычного. Например, состояние Шурика перед экзаменами в новелле «Наваждение», не замечившего Лиду, понятно и знакомо каждому студенту. И Шурик, как и остальные персонажи комедий Гайдая, достоверен, близок, в той или иной степени понятен каждому из нас. Оттого их поведение, поступки вызывают самое живое, активное отношение зрительного зала к себе, вызывают чувство мгновенного сопереживания.

Леонида Гайдая часто можно увидеть в зрительном зале во время демонстрации картин, сосредоточенно вглядываясь он в лица людей, запоминая их реакцию на те или иные эпизоды. После этих сеансов уже дома он подолгу записывает свои наблюдения, свои выводы, которые пригодятся при создании следующего фильма. Но не меньшую радость приносят ему и непосредственные встречи со зрителями, когда самые различные люди высказывают свои мнения о его работах, делают замечания, дают советы. И от кого бы они ни исходили, Гайдай внимательно выслушивает, объясняет, возражает, спорит.

НАЖДА ВСТРЕЧА со зрителями обогатит, принесит пусть крошечное, но какое-то новое дополнительное знание людей, — говорит Леонид Гайдай. — Год работаешь над фильмом, волнуешься, ищешь что-то новое, интересное. И вот он готов и уже не зависит от тебя, начинает самостоятельную жизнь. И только зрители, их реакция во время демонстрации картины расскажут тебе, насколько необходим был им твой труд. Недавно закончена «Кавказская пленница», удалось ли нам донести до зрителей свой замысел, интересен ли он — скажут сами зрители. Имеет ли наш фильм право именоваться комедией — определяют также они.

Людмила КАСЬЯНОВА.